

чайшие умы.—Подъ наитиемъ этого чувства человѣкъ измѣняеть самъ себѣ: изъ сосредоточеннаго онъ дѣлается разсѣяннымъ, изъ спокойнаго—грустнымъ, изъ здороваго—больнымъ. Онъ машинально исполняеть свои обязанности, вѣчно занятый мыслью о предметѣ своей любви. Къ окружающему относится индифферентно, разговоры о предметахъ отвлеченныхъ для него невыносимы, неинтересны, скучны. И говорить, и думать, и мечтать, любоваться, гулять, работать—все это дѣлать ему хочется съ предметомъ своей любви. Ему слиться хочется съ нимъ. Окружающій міръ ему кажется душнымъ и тѣснымъ и неполнымъ безъ него. Ему не нужно никого, кромѣ этого дивнаго существа. Онъ не замѣчаетъ и не видитъ другихъ. Видѣть его ему представляется счастьемъ, при видѣ любимой особы его опьяняетъ восторгъ. Обладаніе этой особой онъ почитаетъ блаженствомъ.

При истинной половой любви нѣтъ мѣста ревности. Въ основѣ послѣдняго чувства лежитъ недовѣріе, несочувствіе, въ основѣ же истинной половой любви абсолютное довѣріе и абсолютное сочувствіе. Ревность—это мучительное, безотчетное, неопределеннное состояніе духа—является при любви неистинной, неполной, эгоистической. Подъ влияніемъ ревности человѣкъ способенъ на всякое зло по отношенію къ любимому существу. Онъ дѣлается несноснымъ, придирчивымъ, злымъ, онъ всюду преслѣдуется предметъ своей страсти, взвѣшиваетъ его отношенія къ себѣ, провѣряетъ въ умѣ каждый его поступокъ, разбираетъ каждое сказанное имъ слово. Всѣ эти модуляціи не знаютъ мѣры, онѣ нестерпимы, потому что тутъ всюду заявляютъ претензію всѣ элементы сомнѣнія, раздраженія, неудовольствія и страданія. Истинная половая любовь свободна отъ ревности.

Вотъ приблизительно характеристика любви, которою живеть, движется, существуетъ человѣчество. Считаемъ необходимымъ еще разъяснить для лучшаго пониманія высказанной нами характеристики половой истинной любви, въ чёмъ состоитъ увлеченіе, влюбленіе. Употребленіемъ слова *любовь* часто злоупотребляютъ: и понимаютъ неправильно, и употребляютъ извращенно. Такъ, наприм., называютъ любовью простое увлеченіе, которое, какъ мы сейчасъ увидимъ, представляетъ изъ себя нѣчто другое, отличное отъ любви.